
Раздел 2. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА

УДК 94(47) + 94(547)

DOI 10.31518/978-5-4437-1874-3-90-96

А.Ю. Быков¹

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В КАЗАХСКОЙ СТЕПИ В XIX В.: ПОИСК СОЦИАЛЬНОЙ БАЗЫ

Аннотация. XIX век можно считать столетием реформ, когда одновременно существовало несколько систем и подсистем управления. Объединяли эти варианты два базовых фактора: основу населения составляли казахи-кочевники и все реформы являлись территориальными. В первой четверти XIX в. появились системы, созданные во Внутренней орде, Оренбургском и Западно-Сибирском ведомствах. В разных вариантах систем и подсистем в качестве основной социальной опоры властей выступали султаны и бии по званию и по должности, а также ряд других категорий. Административные системы подразумевали различные варианты налоговых систем, судопроизводства, замещения должностей и др. Они отражались и на внешнеполитическом восприятии регионов. Происходил поиск наиболее адекватных вариантов инкорпорации кочевого населения в систему Российской империи. Наиболее удачные варианты решений были синтезированы во Временном положении 1868 г., с которого начался новый этап унификации системы управления казахами, не завершившийся в досоветский период. Правительство и местные органы управления смогли создать систему, включившую практически все слои и категории казахского общества в имперскую управленческую структуру. Традиционные институты, сохранив семантическую преемственность, утратили качества интегральности, вместе с тем трансформация социальной структуры привела не к прямой модернизации, а к варианту квази-традиционализма, модернистскими анклавами которого стали категории перешедших к оседлости, новое чиновничество и новое байство, а также представители так называемого элитарного национализма.

---

¹ **Андрей Юрьевич Быков**, д-р ист. наук, руководитель Лаборатории исследований современных Центральной Азии и Кавказа, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, e-mail: baju72@mail.ru

Ключевые слова: казахская степь, Российская империя, Степной край, административная реформа, Оренбургское генерал-губернаторство, Западно-Сибирское генерал-губернаторство, инкорпорация.

*А.У. Быков*²

ADMINISTRATIVE REFORMS IN THE KAZAKH STEPPE IN THE 19TH CENTURY: THE SEARCH FOR A SOCIAL BASE

Abstract. The 19th century can be considered a century of reforms, when several management systems and subsystems existed simultaneously. These options were united by two basic factors: the Kazakh nomads formed the basis of the population and all the reforms were territorial. In the first quarter of the 19th century, systems appeared created in the Inner Horde, Orenburg and West Siberian departments. In different versions of systems and subsystems, sultans and biyas by rank and position, as well as a number of other categories, acted as the main social support of the authorities. The administrative systems involved various variants of tax systems, judicial proceedings, job replacements, etc. They were reflected in the foreign policy perception of the regions. There was a search for the most adequate options for the incorporation of the nomadic population into the system of the Russian Empire. The most successful solutions were synthesized in the Temporary Situation of 1868, which began a new stage of unification of the Kazakh management system, which did not end in the pre-Soviet period. The government and local governments were able to create a system that included almost all strata and categories of Kazakh society in the imperial administrative structure. Traditional institutions, having preserved semantic continuity, lost the qualities of integrality, at the same time, the transformation of the social structure led not to direct modernization, but to a variant of quasi-traditionalism, the modernist enclaves of which were the categories of those who moved to settlement, new officialdom and new leadership, as well as representatives of the so-called elitist nationalism.

Keywords: Kazakh steppe, Russian Empire, Steppe Region, administrative reform, Orenburg Governorate-General, West Siberian Governorate-General, incorporation.

В XVIII в. основной опорой российской администрации в казахской степи выступали два социальных слоя – султаны во главе с ханом и тар-

---

² **Andrey Yurievich Bykov**, Doctor of Historical Sciences, Head of the Laboratory for Research on Modern Central Asia and the Caucasus, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: baju72@mail.ru

ханы. Что такое тарханы – не совсем понятно, поскольку это довольно расплывчатая категория, в которой могли оказаться и батыры, и бии, а в исключительных случаях и рядовые представители шаруа. Могли там оказаться и неказахи – так называемые «бухарцы», т.е. мусульмане, представители различных этнических групп выходцев из Средней Азии. Следует отметить, что попытка, которую предпринял Г.И. Спасский³, чтобы как-то обрисовать эту социальную категорию и на материалах Сибирского губернаторства определить, кто был среди тарханов, показывает, что среди них было примерно поровну биев и батыров, и это были две ведущие группы⁴. Можно предположить, что в Оренбургском ведомстве ситуация была аналогичной. В конце XVIII в., начиная с реформ О.А. Игельстрома, проявилась тенденция превращения званий в должность. Уже при Игельстроме «хан» было не просто званием, а должностью. Если до этого выдавались «подарки», сначала тайно и нефиксированно, потом явно и фиксированно, то у Игельстрома был четкий и понятный штат, в котором значилась должность хана, на которую из бюджета выделялся определенный капитал⁵. Более того, там были и другие должности. Как мы знаем, эти реформы оказали существенное влияние, но были временными, и большая их часть оказалась отмененной в результате тех социальных движений, которые происходили в Младшем жузе (в первую очередь движение батыра Срыма Датова), и жизненных ситуаций, связанных с местной бюрократической борьбой и влиянием центральных органов.

Начало XIX в. было периодом турбулентности, когда казахские султаны стали воспринимать идею о том, что они могут быть частью бюрократии, и что должность хана, а может быть и султана, это престижная и почетная должность. Это происходило даже несмотря на отсутствие должности султана в российской структуре. Об этом могут свидетельствовать, например, письма султана (позднее хана Жанторе), подметные отрешения ханов⁶ и т.п. По этому вопросу существует серьезный комплекс источников. Факт заключается в том,

---

³ Спасский Григорий Иванович (1783–1864) – русский историк, исследователь Сибири, член-корреспондент Петербургской академии наук.

⁴ Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб., 1820. С. 87–109.

⁵ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.). М., 2023. Т. 2. С. 28–29.

⁶ Там же. С. 250.

что, с одной стороны, Россия попыталась превратить звания в должности, по крайней мере для части представители казахской элиты, а с другой стороны, часть этой элиты восприняла это как должное. Но большая часть восприняла это очень странным образом. Например, позиция Каратая, который пытался добиваться ханского звания и потом согласился на то, чтобы быть султаном-правителем⁷, говорит о том, что он начинает смешивать эти понятия. После принятия Устава 1822 г. то же самое происходит с представителями элитарных слоев, которые находились в Среднем жузе. Есть много свидетельств того, что Кенесары на дипломатических приемах, если их можно так назвать, был в мундире русского полковника. Казахские старшие султаны (ага-султаны), которые три раза были избраны на эту должность в звании майора, получали звание полковника и русское дворянство⁸. Это происходило почти автоматически, и, видимо, у Кенесары тоже возникала такая ассоциация. Он считал, что это самое высшее, чего можно достичь казаху в российской бюрократической иерархии, и, соответственно, представлял себя именно так. Он был не прав, в XIX в. казахи становились и генералами⁹.

Следует отметить, что после принятия Устава 1822 г. о сибирских киргизах, в котором было прописано, что старшими султанами и помощниками могут быть только представители султанского сословия, это положение местными властями практически сразу стало нарушаться. Исследования Б.М. Абдрахмановой показывают, что к моменту, когда была организована Семипалатинская область, большая часть старших султанов и их помощников на самом деле являлись представителями знати карасуоек¹⁰. Более того, преимущественно это было именно бийское сословие. Параллельно эти же самые процессы вовлечения в бюрократию бийского сословия происходили и в Младшем жузе, большая часть которого в то время входила в состав Оренбургского ведомства. Они не совсем совпадали, но их можно рассматривать в качестве идентичных понятий¹¹.

---

⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 106. Л. 66.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 291. Л. 7.

⁹ Магулов М.Б. Казахи на военной службе в Российской империи // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 11. С. 150–153.

¹⁰ Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. С. 90.

¹¹ Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях... Т. 2. С. 67–84.

В XIX в. такое понятие, как батыр, в российской иерархической лестнице уже отпало, оно осталось только в традиционной иерархической системе. В то же время с принятием новых законодательных актов, таких как Временное положение 1867 г., потом 1868 г., и Степное положение 1891 г., появляются новые категории, которые русской административной системой были лексически заимствованы из казахского традиционного социума. Это аксакалы и ряд других категорий. Постепенно происходило и их бюрократичивание. Следует отметить, что параллельно с этим в традиционном обществе происходит и девальвация таких понятий, как «хан» и «султан», и наиболее ярким здесь можно считать обет 1803 г. и еще более – ту ситуацию, которую Т.И. Седельников¹² в конце XIX в. описывал как борьбу шаруа против султанского сословия¹³. Таким образом, с одной стороны, происходит бюрократичивание части традиционной элиты, превращение ее в российских чиновников, а с другой – изменение восприятия этих институтов в традиционном казахском обществе, причем на разных уровнях. Об этом свидетельствуют многие источники, в том числе произведения традиционного народного творчества.

Вторая половина XIX в. характеризуется тем, что российское правительство переносит акцент с аксуйек сначала на элитарные слои карасуйек, а потом на все общество. Бытовало мнение, что социальной опорой должны быть оседлые, и политика стимулирования перехода на оседлость действительно проявлялась как минимум с последней трети XVIII в. Но эта политика не была гомогенной или одинаковой в разных ведомствах. Если в Сибирском ведомстве переходу казахов к оседлости всячески способствовали, то в Оренбургском долгое время противились, и только с 1860-х гг. можно говорить о том, что в этом вопросе появилось некое общее понимание у российского правительства и местных властей. В то же время в административных документах до 1903 г., до появления института крестьянских начальников, это никак не проявлялось. То есть если мы возьмем, например, Положения об управлении в Туркестанском крае, что 1867 г., что 1886 г., то там понятно, что есть нормы для

---

¹² Седельников (Сидельников) Тимофей Иванович (1871–1930) – русский политический деятель, член Государственной думы Российской империи I созыва от Оренбургской губернии.

¹³ Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб., 1907. С. 27–28.

оседлых, т.е. для земледельцев, а есть нормы для кочевников. Такой жесткой разницы в административных кодексах, распространенных на Степной край, не наблюдалось. Таким образом, если рассматривать тенденции в русле общеимперских реформ, можно говорить о том, что правительство с 60-х гг. XIX в. начинает рассматривать все население в качестве своей социальной базы. Помимо прочего, это свидетельствует о процессе становления гражданственности.

Стоит обратить особое внимание на то, каким образом происходило изменение позиции тех или иных слоев: одни пытались сопротивляться этому, другие пытались инкорпорироваться, сознательно встроиться в новую административную систему, и эти процессы происходили параллельно. Причем и внутри этих слоев различные представители могли занимать противоположные позиции. Отражением этих процессов может являться параллельное нахождение нескольких ханов. Так, в период 20-х гг. XIX в. в Оренбургском ведомстве в Младшем жузе было одновременно четыре хана. Один из них был на должности в Российской империи, один был утвержден хивинским ханом, два были в том и другом регионе избраны казахами. И каждый из них считал себя настоящим ханом. Девальвация даже таких весомых титулов, как хан, проявляется очень четко и понятно, и мы можем проследить это на судьбе Ширгазы Айчувакова. Его не лишили звания хана, но лишили должности хана, сделав первоприсутствующим. В переписке с ним рекомендовалось именовать его ханом, и обращение казахов к нему как хану тоже не вызывало у российских властей никакого противодействия. Наконец, Иликей (Ирмухаммед) Касымов, который последним был утвержден в Хивинском ханстве, перешел на российскую службу с потерей этого титула, с чем вполне спокойно согласился, дослужившись позднее до чина подполковника русской армии¹⁴.

Фиксируется интереснейший феномен, когда изменение лексического значения влияет на содержание самого института. И это содержание подрывало понимание структуры иерархии традиционного общества. На мой взгляд, к началу XX в. казахское общество, конечно же, оставалось традиционным, но его традиционность изменилась. У нее появились новые качества. Именно появление этих качеств, в том числе, позволило появиться такому новому элитарно-

---

¹⁴ *Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях... Т. 2. С. 43–56.*

му слою, как политические партии и движения, который в политической организации вылился в первую очередь в формирование Алаш, но не только: казахи принимали активное участие и в других партиях. Этот эгалитарный национализм, этот слой как раз во многом стал следствием той квазимодернизации, которая происходила в XIX – начале XX в.

Литература

Абдрахманова Б.М. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. Астана, 1998. 138 с.

Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731–1917 гг.): монография / отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. Т. 2. 444 с.

Магулов М.Б. Казахи на военной службе в Российской империи // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2015. № 11. С. 150–153.

Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб.: Дело, 1907. 79 с.

Спасский Г. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды. Историческое сведение о киргиз-кайсаках // Сибирский вестник. Ч. 9. СПб.: Морская тип., 1820.

References

Abdrakhmanova, B.M. (1998). *Istoriya Kazakhstana: vlast', sistema upravleniya, territorial'noe ustroystvo v XIX veke* [History of Kazakhstan: power, management system, territorial structure in the 19th century]. Astana. 138 p.

Bykov, A.Yu. (2023). *Rossiyskaya politika v Stepnykh oblastyakh i transformatsiya kazakhskogo obshchestva (1731–1917 gg.)* [Russian policy in the Steppe regions and the transformation of Kazakh society (1731–1917)]. Moscow, IV RAN. Vol. 2. 444 p.

Magulov, M.B. (2015). Kazakhi na voennoy sluzhbe v Rossiyskoy imperii [Kazakhs in military service in the Russian Empire]. In *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*. No. 11, pp. 150–153.

Sedel'nikov, T. (1907). *Bor'ba za zemlyu v kirgizskoy stepi (Kirgizskiy zemel'nyy vopros i kolonizatsionnaya politika pravitel'stva)* [The struggle for land in the Kyrgyz steppe (The Kyrgyz land issue and the colonization policy of the government)]. St. Petersburg, Delo. 79 p.

Spasskiy, G. (1820). Kirgiz-kaysaki Bol'shoy, Sredney i Maloy ordy. Istoricheskoe svedenie o kirgiz-kaysakakh [Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Small Hordes. Historical information about the Kirghiz-Kaisaks]. In *Sibirskiy vestnik*. Part 9. St. Petersburg, Morskaya tipografiya.